

Дочь Лунной
Богини

Сью Линн Тань

Перевод Олеси Норицыной

фэнтези

МИОО

*Посвящается моему мужу Тоби —
спутнику жизни и первому читателю.
Я бы не написала эту историю без тебя.
И моим детям, Лукасу и Филипу, за то,
что давали мне немного поработать*

Глава 1

О моей матери сложено много легенд. Кто-то говорил, что она предала своего мужа, великого смертного воина, и украла эликсир бессмертия, чтобы стать богиней. Другие изображали ее невинной жертвой, проглотившей эликсир, чтобы он не достался вору. Кому бы из них вы ни верили, моя мама, Чанъэ, стала бессмертной. А вместе с ней — и я.

Я хорошо запомнила тишину, царившую в нашем доме на луне. В нем жили только я, верная служанка по имени Пин'эр и мама. Дворец был выстроен из сияющего белого камня, с колоннами из перламутра и покато́й крышей из чистого серебра. Просторные комнаты заполняла мебель из коричневого дерева, отчего в воздухе витал пряный аромат. Дворец окружал лес из белого османтуса, посреди которого росло одно-единственное лавровое дерево с жемчужными семенами, пленительно мерцающими на свету. Ни ветру, ни птице, ни даже мне не удавалось сорвать их, потому что они цеплялись за ветви так же крепко, как звезды за небо.

Мама проявляла ко мне заботу и любовь, но при этом вела себя отстраненно, словно в прошлом испытала силь-

ную боль, которая сковала ее сердце. Каждую ночь она зажигала фонари, чтобы осветить луну, а затем выходила на балкон и смотрела на простирившийся внизу мир смертных. Однажды я проснулась перед самым рассветом, а мама все еще стояла там с затуманенным от воспоминаний взором. При виде печали на ее лице я не удержалась и обняла мамины ноги, так как моя голова едва доставала ей до талии. Мама тут же вздрогнула, словно очнулась от сна, и, погладив меня по волосам, отправила обратно в комнату. Ее молчание задело меня. Я заволновалась, что чем-то расстроила маму, хотя она редко сердилась. Но Пин'эр объяснила, что мама не любит, когда ее беспокоят в ночные часы.

— Почему? — спросила я.

— Твоя мать перенесла тяжелую утрату. — Она подняла руку, чтобы пресечь мой следующий вопрос. — Не мне рассказывать об этом.

Стоило подумать, как маме плохо, и самой стало больно.

— Но уже прошло много лет. Мама когда-нибудь оправится?

Пин'эр на мгновение замолчала.

— Некоторые шрамы отпечатываются на наших костях — становятся частью нас и влияют на дальнейшую жизнь. — Заметив уныние на моем лице, она ласково обняла меня. — Но твоя мама сильнее, чем ты думаешь, Маленькая Звездочка. Как и ты сама.

Если забыть про эти краткие моменты грусти, я считала себя счастливой. Хотя и чувствовала ноющую боль оттого, что в нашей жизни чего-то не хватает. Ощущала ли я себя одинокой? Возможно. Правда, у меня оставалось не так много свободного времени, чтобы беспокоиться об одиночестве. Каждое утро мама обучала меня чтению и письму. Я растирала тушь с небольшим количеством воды ступкой до тех пор, пока не образовывалась глянцевая черная паста, а затем тренировалась выводить иероглифы плавными мазками кисти.

Хотя я наслаждалась каждым моментом, проведенным с матерью, мне больше нравились занятия с Пин'эр. Рисунки у меня получались средними, а вышивка лишь расстраивала, но все это забывалось, когда я погружалась в музыку. То ли струны, перебираемые пальцами, то ли ноты, слетающие с губ, пробуждали в душе эмоции, которые мне не удавалось понять. А из-за отсутствия друзей, которые соперничали бы за мое внимание, я быстро овладела флейтой и гуцинем¹ — семиструнной цитрой — и всего за несколько лет превзошла в мастерстве Пин'эр. На пятнадцатый день рождения мама подарила мне маленькую флейту из белого нефрита, которую я повсюду носила с собой на поясе в шелковом мешочке. Она стала моим любимым инструментом, а ее звучание оказалось настолько чистым, что даже птицы прилетали на Луну, чтобы послушать меня. Хотя мне казалось, что им также хотелось посмотреть на мою маму.

Иногда я ловила себя на том, что зачарованно люблю ее совершенными чертами. Мамино лицо имело форму дынного семечка, а кожа отливала жемчужным блеском. Изящные брови пролегли дугой над вытянутыми иссиня-черными глазами и изгибались полумесяцем, когда мама улыбалась. В темных прядях ее волос поблескивали золотые заколки, а с одной стороны над ухом благоухал красный пион. Из-под серебристо-белого верхнего одеяния длиной до лодыжек выглядывали ткани цвета голубого полуденного неба. Ее талию стягивал алый пояс, украшенный кистями из шелка с нефритами. Иногда по ночам я лежала в постели и прислушивалась к тихому перезвону. И осознание, что она рядом, помогало быстро заснуть.

Пин'эр уверяла меня, что я похожа на маму, но вряд ли можно сравнивать цветы сливы и лотоса. Моя кожа была

---

¹ Гуцинь — китайский семиструнный щипковый музыкальный инструмент около ста двадцати сантиметров в длину. Считается одним из самых сложных инструментов в мире. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

темнее, глаза — круглее, а подбородок — более острым и с ямочкой посредине. Возможно, я походила на своего отца. Но я не знала этого наверняка, так как никогда его не встречала.

Лишь годы спустя я поняла, что мама, вытиравшая мне слезы после падений и поправлявшая кисть в моей руке во время уроков письма, была богиней Луны. И именно ей поклонялись смертные и совершали жертвоприношения во время Праздника середины осени — в пятнадцатый день восьмого лунного месяца, — когда луна сияет ярче всего. В этот день они зажигали ароматические палочки для молитв и готовили лунные пряники, под нежной корочкой которых скрывалась сытная начинка из сладких, перемолотых в пасту семян лотоса и соленых утиных яиц. А дети приносили светящиеся фонарики в форме кроликов, птиц или рыб, символизирующих свет луны. Я же в этот день выходила на балкон и смотрела на мир внизу, вдыхая аромат благовоний, зажженных в честь моей матери, дым от которых возносился к самому небу.

Мама смотрела на людей с такой тоской, что меня и саму заинтересовал мир смертных. В их завораживающих историях описывалась борьба за любовь, власть и выживание — хотя я с трудом могла понять столь яркие переживания, потому что жила в своем уютом мирке. Я читала все, что попадалось под руку, но больше всего любила рассказы о доблестных воинах, сражающихся со страшными врагами, чтобы защитить своих близких.

И вот однажды, копаясь в куче свитков в библиотеке, я заметила что-то яркое. А когда взяла находку в руки, то мой пульс участился от осознания, что я наткнулась на книгу, которую раньше не читала. Судя по грубо сшитому переплету, ее написали смертные. Обложка так сильно выпвела, что едва удалось разглядеть лучника, который целился из серебряного лука в десять солнц на небе. Но внутри шаров слегка виднелись очертания перьев. Точно это были не солнца, а птицы, свернувшиеся в ог-

ненные клубки. Я понесла книгу в свою комнату, ощущая, как покалывает пальцы оттого, что прижимаю хрупкую бумагу к груди. А опустившись в кресло, с энтузиазмом принялась листать страницы и впитывать слова.

История начиналась, как и многие рассказы о героических подвигах, с того, что на мир смертных обрушилось ужасное несчастье. Десять солнечных птиц поднялись в небо, опалая землю и причиняя огромные страдания. На выжженной почве не прорастали посевы, а в пересохших реках не осталось и капли воды. Ходили слухи, что небесные боги благоволили солнечным птицам, поэтому никто не осмеливался бросить вызов этим могущественным созданиям. И в тот момент, когда люди уже потеряли надежду, бесстрашный воин по имени Хоу И взял в руки свой ледяной лук. Он выпустил стрелы в небо и убил девять птиц, оставив лишь одну, чтобы она освещала землю...

Книгу вырвали у меня из рук. Передо мной стояла мама с раскрасневшимся лицом и быстро дышала. Когда она схватила меня за руку, ее ногти впились мне в кожу.

— Ты читала это? — воскликнула мать.

Она редко повышала голос. Я несколько мгновений непонимающе смотрела на нее, а затем кивнула.

Отпустив меня, мама уселась в кресло и прижала пальцы к вискам. Несмотря на страх, что она оттолкнет меня в гнев, я протянула руку, и мама тут же ее сжала. Ее кожа оказалась холодной, как лед.

— Я сделала что-то не так? Почему мне нельзя читать эту книгу? — запинаясь, спросила я.

Мне эта история не показалась необычной.

Мама так долго молчала, что мне почудилось, будто она не услышала моих вопросов. Но вот наконец мать повернулась ко мне, и ее глаза сияли ярче звезд.

— Ты не сделала ничего плохого. Лучник Хоу И... твой отец.

Перед глазами вспыхнули белые пятна, а в ушах зазвенело от ее слов. В детстве я часто спрашивала об отце.

И каждый раз она молчала, а ее лицо омрачалось, пока наконец я не перестала задавать вопросы. Мама хранила в своем сердце много тайн, которыми она не делилась со мной. До этого момента.

— Отец? — Стоило произнести это слово, как в груди все сжалось.

Она закрыла книгу и несколько секунд смотрела на обложку. Испугавшись, что мама сейчас уйдет, я взяла фарфоровый чайник и налила в чашку чай. Он уже остыл, но она без жалоб потягивала его.

— В Царстве мертвых мы любили друг друга, — начала мама тихим и нежным голосом. — И он любил тебя... еще до того, как ты родилась. А сейчас... — Ее слова оборвались, и она заморгала.

Я взяла ее за руку, чтобы успокоить и напомнить о своем присутствии.

— А сейчас мы разлучены навечно.

Мою голову заполнили скачущие мысли и бушующие эмоции, стало невозможно думать. Сколько я себя помнила, отец присутствовал в моей жизни незримым призраком. Я частенько представляла, как он сидит напротив меня, пока мы едим, или шагает рядом со мной под цветущими деревьями. Но каждый раз, стоило вернуться в реальность, тепло в груди сменялось глухой болью. Сегодня я наконец узнала имя своего отца и то, что он любил меня.

Неудивительно, что мама все это время выглядела подавленной и пойманной в ловушку собственных воспоминаний. Что случилось с отцом? Жил ли он еще в Царстве мертвых? И как мы оказались здесь? Но я проглотила свои вопросы, увидев, как мама вытирает слезы. Конечно, мне хотелось получить ответы, но я не собиралась причинять ей боль ради удовлетворения своего эгоистичного любопытства.

Время для бессмертного — как дождь для бескрайнего океана. Мы вели безмятежную, не обремененную пробле-

мами жизнь, а годы пролетали как недели. И кто знает, сколько десятилетий прошло бы так, если бы однажды меня не закрутило в вихре событий, как лист, сорванный ветром с ветки? Стоял ясный день, и солнечный свет лился в мое окно. Отложив лакированный гуцинь, я прикрыла веки, чтобы передохнуть. И как уже случалось раньше, перед глазами вспыхнули серебристые огоньки. Они подергивались и дразнили, как это делал каждое утро аромат османтуса, манящий меня в лес. Мне хотелось прикоснуться к ним, но я вспомнила строгий наказ матери.

«Не приближайся к огням, Сингъинь, — умоляла она, а ее кожа побледнела до пепельного оттенка. — Это слишком опасно. Поверь мне, стоит чуть подождать, и они погаснут».

Тогда я испуганно пропищала обещание. И на протяжении многих лет старательно держала свое слово. Поэтому всегда, когда серебристые огоньки манили меня, я с усердием думала о чем-то другом — о песне или последней прочитанной истории, — пока разум не прояснялся, а они не исчезали. Но с каждым разом это становилось все труднее, потому что огоньки горели все ярче, а их зов казался все более манящим. Так что желание протянуть руку к ним становилось практически непреодолимым.

И сегодня они сияли очень ярко, словно чувствовали, как слабеет моя решимость и бурлит от волнения кровь. В последнее время это происходило все чаще, а еще добавлялось стремление к тому... чему я не могла подобрать названия.

Возможно, к переменам. Но здесь никогда ничто не происходило. Никогда ничто не менялось.

Огоньки не казались мне опасными. Так, может, мама ошибалась? Она не раз запрещала мне делать вполне безобидные вещи. Например, лазить по деревьям или бегать по коридорам. Возможно, это считалось опасным в ее детстве, когда она была смертной. Я мысленно приблизилась к огонькам. Подошла ближе, чем когда-либо.

Что-то вцепилось в меня, потащило прочь... Страх или чувство вины? Но я, поддавшись безрассудству, разорвала эти путы, словно паутину. И остановилась на границе света, замерла на самом краю. По венам прокатилась энергия, а воздух наполнился шепотками. Поддавшись вперед, я протянула руку... И в тот же миг мерцающее серебро развеялось, как звездный свет на рассвете.

Глаза распахнулись, а по телу расползлась дрожь. Я не представляла, сколько просидела в оцепенении. За окном вечернее солнце украшало небо тонкими розовыми и золотистыми лентами. Дрожь стихла, а на грудь, словно камень, надавило раскаяние. Я нарушила обещание, данное маме. И самое ужасное то, что мне хотелось сделать это снова.

Потому что огоньки не представляли опасности, они — часть меня... Теперь я осознавала это с поразительной уверенностью. Почему она предостерегала меня? «Надо спросить у нее, — поднимаясь на ноги, решила я. — Я достаточно взрослая, чтобы знать ответ».

Но как только я добралась до входа, по воздуху пронеслась странная энергия, приподняв волосы на затылке. Ауры бессмертных — незнакомых мне — клубились и смешивались, как облака в небе. Мне не удавалось определить, сколько их, хотя одна, казалось, сияла ярче остальных и намного сильнее, чем у матери или Пин'эр.

Кто же пришел во дворец?

Но стоило мне раскрыть двери, как в комнату влетела мама. Я отшатнулась назад и врезалась в стул. Неужели она поняла, что я сделала, и пришла, чтобы отругать меня?

Я опустила голову.

— Прости, мама. Огоньки...

Она схватила меня за плечи.

— Забудь про них, Син'инь. Прибыла гостья. Но она не должна знать, что ты здесь и что ты — моя дочь.

Пульс участился от возможности встретиться с кем-то еще. Но затем до меня дошел смысл ее слов — и тон, кото-

рым она их произнесла, — и восторг скомкался, как лист бумаги.

— Ты не хочешь знакомить меня со своей подругой?

Ее руки опустились, а черты лица застыли, пока не стало казаться, что оно высечено из мрамора.

— Она не друг, а Небесная императрица. Она не знает о тебе. Никто не знает. И мы не позволим им найти тебя.

Слова, вырвавшиеся в порыве отчаяния, напугали меня, несмотря на тлеющее внутри предвкушение. Я читала, что Небесная империя — самая могущественная из восьми бессмертных земель и расположена, словно драгоценная слеза, в самом сердце Царства бессмертных. Император и императрица обитали во дворце, плавающем в облаках, откуда управляли небожителями и смертными, а также наблюдали за Солнцем, Луной и звездами. За все время, что мы жили здесь, они ни разу не изъявили желания посетить наш дом. Так что же подтолкнуло их сделать это сейчас?

И почему я должна прятаться?

Странный трепет, зародившийся в животе, протянула ледяные щупальца к моему сердцу.

— Что-то не так? — спросила я, надеясь, что она начнет это отрицать.

Мама нежно коснулась моей щеки.

— Я все объясню позже. А пока посиди в своей комнате и постарайся не шуметь.

Дождавшись моего кивка, она вышла из комнаты и закрыла за собой двери. И только тогда я поняла, что мама так и не ответила на мой вопрос. Я открыла книгу, но, прочитав одну и ту же строчку трижды, опустила ее. Пальцы потянулись к гуциню и дернули струну, но тут же прижали ее к дереву, чтобы заглушить звук. А взгляд скользнул к закрытой двери, подталкиваемый жгучим любопытством, которое затмило страх. Я медленно подошла к ней и слегка приоткрыла створку. Я просто посмотрю одним глазком на Небесную императрицу и быстро вернусь в свою

комнату. Когда еще выпадет возможность увидеть одну из самых могущественных бессмертных в царстве? А вдруг она надела корону Феникса, которая, как говорят, сделана из перьев из чистого золота и украшена сотней сияющих жемчужин.

Стараясь двигаться бесшумно, словно тень, я на цыпочках прошла длинный коридор, ведущий от моей комнаты к залу Серебряной гармонии — самой большой комнате во дворце Чистого света — с мраморным полом, нефритовыми лампами и шелковыми портьерами. Этой первозданной элегантности добавляли нотку тепла деревянные колонны с богато украшенными основаниями из серебра. Именно здесь в моем представлении мы бы развлекали гостей, но никто не приходил к нам.

Как только я свернула за угол, раздался тихий голос. Я прислушалась.

— Чаньэ, как поживаешь? — Дружелюбное обращение Небесной императрицы удивило меня.

Да и голос ее звучал не так уж устрашающе.

— Хорошо, Ваше Небесное Величество. Спасибо за беспокойство, — непривычно оживленно ответила мать.

После обмена любезностями на пару мгновений воцарилось молчание. Присев на корточки у стены, я вытянула шею и заглянула в комнату. Мама стояла на коленях, низко склонив голову. А напротив нее, в любимом кресле мамы, судя по всему, сидела Небесная императрица.

Вместо короны на ней оказался замысловатый головной убор, украшенный драгоценными камнями в виде листьев и цветов, которые позвякивали при каждом движении. А пока я зачарованно рассматривала его, один из бутонов распустился, превратившись в орхидею из аметистов. На кончиках пальцев императрицы блеснули острые изогнутые чехлы-наконечники из золота, напоминающие когти ястреба. Серебряная вышивка на ее фиолетовом одеянии отражала струившиеся через окна лучи заходя-

щего солнца. По сравнению с нежной и спокойной аурой мамы ее пульсировала от силы и жара. Императрица ослепляла своей красотой, но при взгляде на ее подведенные губы на фоне белой кожи я невольно подумала о свежeproлитой крови на снегу.

Как и подобало любому со столь высоким положением, она пришла не одна. Позади нее возвышалось шесть слуг... в том числе рослый бессмертный мужчина, цвет лица которого оказался темнее, чем у остальных. Его черный головной убор украшали большие камни янтаря, сине-черные одежды стягивал бронзовый пояс, а руки скрывали белые перчатки. Я ничего не знала о Небесном дворце, но, судя по тому, как мужчина держался, он занимал более высокое положение, чем остальные. Однако при этом было в нем что-то такое, что мне не нравилось. Поэтому, заметив, как его светло-карие глаза шарят по комнате, я отпрянула и прижалась спиной к стене.

Императрица заговорила снова, но теперь ее голос звучал резче, чем скрежет осколка неотшлифованного нефрита.

— Чангэ, мы почувствовали здесь характерный сдвиг энергии. Ты развиваешь тайком от нас способности или скрываешь гостя, нарушая этим условия своего заточения?

Я так напряглась, что плечи свело. Казалось, каждое ее слово сочтется предвкушением, словно гостя упивалась мыслью о проступке мамы. Да, она императрица, но как смеет разговаривать в таком тоне? Мама — Лунная богиня, которую почитает и восхваляет бесчисленное количество смертных! Как ее могли заточить? Это место не только наш дом, это ее владения. Кто зажигал фонари каждую ночь? Для кого раскачивались и шумели деревья, когда она проходила мимо? Как бы она могла так влиять на луну, если бы та не принадлежали ей по праву?

— Ваше Небесное Величество, должно быть, это какая-то ошибка. Как вы знаете, мои силы слабы. Здесь больше

никого нет. И никто бы не осмелился прийти, — уверенно ответила мама.

— Министр У, поделитесь своими наблюдениями, — приказала императрица.

Раздались шаркающие шаги.

— Сегодня замечено значительное изменение в ауре Луны. Небывалый случай за все годы исследований. И в этом нет никакой ошибки.

В его спокойном голосе слышались приглушенные нотки волнения. Наслаждался ли он бедственным положением моей мамы, как императрица? От этой мысли внутри разгорелся гнев, заглушая покалывающее беспокойство. Та энергия, что разлилась по моим венам, и шепот, наполнивший воздух, когда я коснулась огоньков... Неужели это привлекло их внимание?

— Надеюсь, наша снисходительность не пробудила в тебе храбрости, — прошипела императрица. — Тебе повезло, что за кражу эликсира бессмертия мужа тебя всего лишь приговорили к заключению здесь и ты смогла избежать ударов хлыстом из молний и огненным посохом. Но это изменится, если мы обнаружим, что ты продолжаешь обманывать нас. Сознайся во всем сейчас и, *быть может*, мы вновь проявим милосердие, — заявила она, пронзая громким голосом тишину нашего дома.

Мне удалось заглушить вздох, прижав ко рту кулак. Я никогда не спрашивала маму, как она стала бессмертной: чувствовала, что это причинит ей боль. Но после прочтения «Сказания об огненных птицах» меня мучил один вопрос: где мой отец? И услышав, что эликсир даровали ему, а маму обвинили в его краже... От этого известия у меня свело живот. «Императрица ошибается», — яростно твердила себе я, зарывая предательское зерно сомнений поглубже.

Но мама даже не вздрогнула и не попыталась опровергнуть эти обвинения. Может, она привыкла к такому обращению от императрицы? Когда я вновь заглянула

в комнату, то увидела, что мама согнулась пополам, прижав лоб и ладони к полу.

— Ваше Небесное Величество, министр У, возможно, этот всплеск вызван недавним парадом звезд. Созвездие Лазурного Дракона вступило на путь Луны. Наверное, оно и вызвало искажение ауры. Но когда это пройдет, все вновь вернется в привычное русло.

Она говорила как ученый, изучающий небеса, хотя я знала, что ее не интересовали подобные вопросы.

Вновь воцарилась тишина, прерываемая лишь ритмичным постукиванием золотых когтей по мягкому дереву подлокотника. Но вот императрица поднялась на ноги, и слуги выстроились позади нее.

— Возможно, это и так, но мы придем к тебе снова. Ты слишком долго оставалась без присмотра.

Я обрадовалась, что гости собрались восвояси, не смотря на угрозу, которая скрывалась в тоне императрицы, как туго натянутый шелковый шнур. Не желая слушать дальше их разговор, я прокралась обратно в свою комнату и, завалившись на кровать, усталилась в окно. Последние минуты дня сменились ночью, и небо потемнело до зыбких фиолетово-серых сумерек. Разум оцепенел, но я ощутила момент, когда незнакомые ауры исчезли из дворца. А мгновение спустя мама распахнула дверь.

Ее лицо казалось белее отштукатуренных стен. И мои сомнения развеялись. Я не верила Небесной императрице. Мама никогда бы не предала отца. Даже ради бессмертия.

Я вскочила с кровати и подошла к ней. За прошедшие годы я успела почти догнать ее по росту.

— Мама, я слышала, что сказал императрица.

Она обняла меня и крепко прижала к себе. Положив голову ей на плечо, я почувствовала облегчение оттого, что мама не сердилась на меня, хотя ее тело казалось каменным от напряжения.